

КЛАССИЧЕСКАЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ
ПИЩА

Эдуард

ТОПОЛЬ

Охота
за русской мафией

Эдуард Лимонов

Эдуард Тополь

Охота за русской мафией

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Охота за русской мафией / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 5-17-026055-5

Америке не привыкать к мафиозным группировкам – однако то, что считается нормальным «бизнесом» для мафии русской, превосходит самые жуткие фантазии американских спецслужб. И тогда начинается «охота за русской мафией». Охота смертельно опасная и – невероятно увлекательная. Потому что «загадочные русские души» в мире организованной преступности Запада задают представителям закона такие задачки, которые разрешить агентам ЦРУ будет очень непросто...

ISBN 5-17-026055-5

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Тополь

Охота за русской мафией

Все описанные здесь события произошли в действительности, а главные герои этой истории – полицейский детектив Питер Гриненко и агент ФБР Билл Мошелло – названы своими подлинными именами. Также своими подлинными именами названы почти все преступники, теперь уже мертвые. Что касается преступников, оставшихся в живых, то, well, автор решил слегка изменить их фамилии, чтобы не усложнять себе жизнь.

Часть 1

Воры

16 сентября 1983 года, в полдень, принимая очередной телефонный звонок, телефонистка ФБР на Федерал-Плаза в Нью-Йорке (Federal Plaza, 26, New York) сказала абоненту: «Одну минутку!» – и повернулась к старшему:

– Русский звонит! Включить запись?

– Русский? – удивился старший телефонист. – А что он хочет?

– Его английский ужасен, но он хочет «кому-то говорить про будущее преступление. По-русски».

– Так соедини его с контрразведкой.

– А как насчет записи? – спросила телефонистка.

Старший насмешливо улыбнулся. Чем меньше у человека должность в ФБР, тем большим политиком он себя воображает. Хотя от русских действительно можно ждать чего угодно. Всего две недели назад они сбили корейский авиалайнер и угробили 269 пассажиров. А незадолго до этого палестинец, стрелявший в Папу Римского, признался, что прошел тренировку в СССР. Так что, конечно, русские – монстры. И может быть, это как раз та ситуация, когда он должен на свой страх и риск, то есть без приказа начальства, включить звукозаписывающую аппаратуру. Ведь черт его знает, догадались ли там, в контрразведке, с первой минуты включить магнитофон...

Но тут, спасая старшего от трудного решения, замигал сигнал прерванного разговора и голос из контрразведки сказал в наушниках:

– Переведите этого русского на Квинс. 31–40.

– Сэр, неужели он действительно хочет предупредить преступление? – удивилась телефонистка, хотя обсуждать разговоры не в правилах ФБР.

– Так он говорит, – ответили из контрразведки. – Но это не имеет к нам отношения, это что-то насчет ограбления.

– Все равно это впервые на моей памяти, чтобы русские звонили в ФБР предупредить преступление! – пробормотала телефонистка и набрала 31–40.

– Детектив Питер Гриненко, – прозвучал голос.

– Это оператор с Федерал-Плаза. У меня на линии один русский, контрразведка дала ваш номер. Вы говорите по-русски?

– Да, говорю.

– Но у меня в списке нет вашего имени... – сказала телефонистка, листая служебный справочник.

– Я не сотрудник ФБР. Я детектив нью-йоркской полиции, недавно назначенный сюда для специальных расследований.

– Ясно. О'кей, соединяю! Пожалуйста, мистер! Алло! Мистер! Черт! Он отключился! Извините, сэр...

– Ничего, – успокоил ее Гриненко. – Для русских это типично. Дайте мне контрразведку. Через минуту, переговорив с агентом, который принял в контрразведке звонок русского, детектив Гриненко набрал номер телефона и сказал по-русски:

– Алло, могу я поговорить с мистером Лисицким?

– Да... – осторожно ответил негромкий голос.

– Это детектив Питер Гриненко. Вы сейчас звонили в ФБР насчет какого-то преступления. Как я могу помочь вам?

– Это не телефонный разговор, – глухо ответил русский. – Это важное дело, но... Я не могу по телефону...

– Вы можете прийти к нам в офис. Это на Квинс-бульвар...

– Нет, нет! – прервал русский. – К вам я прийти не могу! Но вы можете приехать ко мне. У меня маленький рыбный бизнес «Dreamfish»¹ на Варрак-стрит, Манхэттен.

– Вы сказали агенту контрразведки, что вашему бизнесу что-то угрожает. Это прямо сейчас?

– Я не могу вам сказать по телефону... Но это важно! Вы можете приехать?

– О'кей, мистер Лисицкий. Мы сейчас приедем. – И, положив трубку, Гриненко посмотрел на Билла Мошелло, своего партнера в ФБР. Билл – 34 года, 85 килограммов, рост 165 см – сидел за соседним столом, перечитывая полицейский рапорт о бегстве из штата Флорида двух взломщиков-цыган, и делал вид, что его совершенно не интересует этот разговор. Тем более, что он не понимал по-русски ни слова.

– Билл! – сказал Гриненко.

– Да... – отозвался Мошелло, не поднимая глаз от флоридских документов.

– Мы едем в центр города. Сейчас.

– Зачем?

– Ты же слышал. Какой-то русский сам позвонил предупредить о будущем преступлении. Но он боится говорить по телефону. Так что оторви свою задницу от стула и поехали!

– Ну... – протянул Билл и впервые посмотрел на своего партнера. – Перед тем, как обещать ему приехать, ты мог бы обсудить это со мной. Верно?

Питер на секунду задержался с ответом. Уже не первый раз в их отношениях проскальзывает эта нота разногласия. Хотя полгода назад, в марте 1983-го, Билл сам перетащил Питера в ФБР из Бюро контроля за организованной преступностью, где служат сливки сливок нью-йоркской сыскной полиции и где у Питера была репутация одного из лучших детективов по автомобильной преступности. Но тогда ФБР как раз начинало охоту за «красной мафией», и самым громким делом в то время было убийство в Манхэттене русского эмигранта Юрия Брохина, автора книг «Суета на улице Горького» и «Большая красная машина: взлеты и падения советских олимпийских чемпионов». В первой книге Брохин рассказал о московских шулерах, валютчиках, картежниках и подпольных миллионерах, во второй – о коррупции в советском спорте. Хотя ни одна из этих книг не стала бестселлером, но обе удостоились рецензий в «Таймс бук ревью» и дали Брохину возможность выступать экспертом по советской политике в «Нью-Йорк таймс», «Диссент» и «Джюиш дайджест». Когда 11 ноября 1982 года Юрий Андропов, бывший глава КГБ, сменил в Кремле Брежнева, Брохин объявил своим друзьям, что в Москве он был близко знаком с сыном Андропова Игорем и садится писать книгу о личной жизни Андроповых. А через три недели, 6 декабря, Брохина нашли мертвым в его

¹ «Dreamfish» – рыбная мечта, мечтательная рыбка (англ.).

квартире на Западной сорок седьмой улице, в постели, с простреленной головой. Рядом, в тумбочке, лежали нетронутыми 15 тысяч долларов. Эти-то нетронутые 15 тысяч плюс репутация Брохина, как советолога, дали основания прессе тут же объявить, что тут замешана «рука Москвы». Нью-йоркская газета «Пост» даже сообщила, что Брохин был другом болгарского диссидента, убитого агентами КГБ с помощью отравленного зонтика.

Таким образом, смерть принесла Брохину именно ту славу, о которой он жадно мечтал при жизни: журнал «Нью-Йорк» напечатал его огромный, на всю страницу, портрет и большую статью с подзаголовком «Был ли писатель-эмигрант Юрий Брохин убит русской мафией?». Правда, основное название статьи вряд ли понравилось бы Юрию, статья называлась «Смерть дельца»...

По стечению обстоятельств, автор этих строк знал Брохина еще в Москве, по сценарному факультету киноинститута, где мы оба учились в 60-е годы (я на дневном отделении, а Брохин – на заочном). Правда, потом наши дороги разошлись: я стал работать в кино, а Брохин – в картежной суете улицы Горького, о чем впоследствии и написал первую книгу. И когда в 1979 году я эмигрировал в США, Брохин был тут уже давним жителем, он пригласил меня к себе, хвастал, что получил за первую книгу 40 тысяч долларов (слегка приврал), но кормил настоящим американским стейком и возил по Манхэттену в роскошном черном «бьюике». «Только у двух русских есть такой „бьюик“, – сказал он гордо. – У Брежнева и у меня!» Поскольку это был первый «бьюик», который я видел в своей жизни, я поверил. Тогда же я познакомился с его женой – красивой и тихой Таней, бывшей московской актрисой, которая работала секретаршей на радио «Свобода».

Может быть, потому, что Юре нравилось демонстрировать именно мне, бывшему московскому сценаристу, свои американские успехи – у него было все, о чем может мечтать свежий эмигрант: квартира в Манхэттене, «бьюик», литературный агент и красавица жена, – может быть, поэтому я не стал больше бывать у Брохиных. Не из зависти, а просто я не понимал, каким образом заурядный московский картежник стал известным американским писателем. Ладно, еще одно признание – русская красавица Таня Брохина была моим типом женщин и так нравилась мне, что я предпочитал не видеть ее, чем поедать глазами жену своего приятеля...

Через два года, в апреле 1981-го, я прочел в русской нью-йоркской газете траурное объявление о ее трагической смерти: Юрий Брохин нашел ее утонувшей в ванне. Среди сотрудников радио «Свобода» тут же пошли разговоры, что Таня умерла не случайно, что тут не обошлось без наркотиков и, может быть, чего похуже. Некоторые открыто предполагали, что Брохин убил Таню, чтобы получить страховку. Тем не менее, я пошел на похороны. Худой, подтянутый, с развернутыми, как у Юла Бриннера, плечами, в черном костюме, черноволосый, с мефистофельской бородкой, с большими и острыми темными глазами и с глубокой упрямой складкой над переносицей, Юрий был печален соответственно ситуации и отнюдь не выглядел убийцей.

– Прими мои соболезнования, – сказал я.

– Спасибо, что пришел. Останься на поминки, – ответил он.

Но что-то мешало мне пойти к нему в дом и пить водку в той самой квартире, где несколько дней назад в ванне Таня лежала мертвой.

Когда через полтора года уже не только русская газета, а нью-йоркские газеты сообщили об убийстве Брохина, я тут же вспомнил о загадочно-«случайной» смерти Тани и решил, что здесь таится какой-то кровавый любовный треугольник.

Однако детектив Барри Друбин из 17-го участка, которому выпало расследовать убийство Брохина, был другого мнения. По записным книжкам Юрия он довольно быстро установил круг его знакомых: в этот круг входили в основном картежники, игроки на ипподроме и торговцы наркотиками и оружием. Как в Москве звание сценариста было у Брохина только прикрытием для подпольной «суеты на улице Горького», так в Нью-Йорке звание «писателя»

прикрывало его другую деятельность. Но одно обстоятельство мешало Друбину быстро закончить это дело – почти все русские приятели Брохина, на которых в полиции были сведения об их преступной активности, отказывались давать показания по-английски, ссылаясь на плохое знание языка. Конечно, Друбин мог пригласить переводчика, но тут он вспомнил, что в БКОП² есть детектив Питер Гриненко, русский по происхождению. А одно дело допрашивать людей через переводчика, и совсем другое – если допрос ведет профессиональный следователь на родном языке преступника. Друбин позвонил Питеру, и 21 декабря Питер приехал на Пятдесят четвертую улицу, к 17-му участку. Было 6.40 вечера, до первого интервью с каким-то русским оставалось 20 минут. Припарковав свою «тойоту» 69-го года среди полицейских машин, Питер перешел через Третью авеню в деликатесный магазин. При его росте 178 см и стокилограммовом весе он ел не так уж много, но сейчас, после длинного рабочего дня, чувствовал голод. Окинув взглядом витрину, он купил креветки, рисовый пудинг, бутерброд и кофе и с пакетом в руках вернулся в полицейский участок. Офис детективов на втором этаже был почти пуст, если не считать Друбина, который ждал русского по имени Пиня Громов.

– Садись и ешь, я сейчас вернусь, – сказал Друбин Питеру и ушел искать фотографа для съемки этого Громова.

Питер сел за стол, вытащил из пакета бумажную коробку с креветками и стал есть. Через минуту в офис вошел темноволосый остроглазый мужчина в сером костюме, лет тридцати четырех, с фигурой полнеющей, но еще помнящей спортивную тренировку. Он не постучал, как сделал бы русский эмигрант, а вошел как свой, как сотрудник полиции. Но спросил:

– А Друбин здесь?

– Он сейчас придет, – сказал Питер.

– Вы тоже к нему? – И мужчина посмотрел на пакет креветок в руках у Питера.

– Да.

– Вы Громов?

Питер усмехнулся:

– Разве я выгляжу русским эмигрантом? Детектив Питер Гриненко из БКОП. А ты?

– Вильям Мошелло, ФБР. – Мужчина снова посмотрел на креветки.

– Хочешь? – Питер протянул ему пакет с едой.

– Я приехал из Квинса и... – сказал Мошелло. – После целого дня работы...

– Можешь ничего не объяснять. Если не любишь креветки, возьми бутерброд и рисовый пудинг. Бери, бери! – Гриненко разломил бутерброд пополам и вручил Биллу.

– Спасибо! – сказал Билл.

Через пару минут, заканчивая с креветками и пудингом, они уже знали друг о друге почти все.

– Все хотят русскую мафию, – говорил Билл. – Мое начальство, пресса и даже, я думаю, президент Рейган. Но как я могу найти им «красную мафию», если я один на всю эту ебаную комьюнити, а советских преступников хер знает сколько! Каждый день в аэропорту Кеннеди садится самолет с русскими эмигрантами – пойдешь узнай, кто из них будет Барышников, а кто – русский Гамбини. И – я не говорю по-русски. Если ты помогаешь Друбину, может, ты и мне сможешь интервьюировать русских? У меня есть несколько интересных дел...

– Например?

– Ну, например, фальшивые русские золотые монеты прошлого века. Они подделывают их так, что не отличишь. Или подделка автомобильных прав. Ты не поверишь – это у них целая индустрия. Что ты думаешь?

– Посмотрим... – неопределенно сказал Питер.

² БКОП – Бюро контроля за организованной преступностью.

У него было прекрасное положение в БКОП, а недавно его, как эксперта, даже приглашали выступить в сенате на заседании специальной комиссии по борьбе с автопреступностью. И все-таки уже в январе 1983 года, то есть после месяца работы с Барри Друбином и Биллом Мошелло, Питер вдруг почувствовал, что теряет интерес к расследованию угона автомобилей. Дела, которыми он так увлеченно занимался 12 лет, вдруг показались ему рутинной, а обнаруженная где-нибудь в Пенсильвании очередная дюжина ворованных грузовиков стоимостью в пару миллионов долларов – грудой бездушного металла. Зато тут, в офисе Друбина и в ФБР у Мошелло, он заглянул совсем в другой мир – мир русской колонии, полный интриг, игры нервов, непонятных характеров и странной психологии, которая на языке профессионалов обозначается расплывчатым понятием «советская ментальность». В нее входило все – фанфаронство, хитрость, жадность, презрение к закону, жестокость, самоуверенность и вызывающая наглость. Тот самый Пиня Громов, на которого в полиции были данные, что в СССР он отсидел 6 лет за грабеж, а здесь торгует наркотиками, – этот самый Громов, развалившись в кресле во время интервью с Друбином и Гриненко, хвастливо пригласил всех полицейских 17-го участка на бармицву своего сына...

И может быть, потому, что эта ментальность была сродни образу той страны, из которой они приехали, Питеру показалось, что наглость русских – это личный вызов ему, Питеру Гриненко, американскому детективу. Потому что СССР не только оккупировал Афганистан, давил танками пражских и варшавских студентов и сбил корейский авиалайнер. Еще раньше, в годы русской революции, там, в России, коммунисты расстреляли всех до единого мужчин – родственников Питера по материнской линии. Поэтому в марте 1985-го Билл Мошелло через своего начальника Джеймса Морфи легко добился перевода Гриненко из полиции в ФБР для «специальных расследований русской криминальной активности», а проще говоря – для охоты за «красной мафией». Сидя в своем кабинете на фоне американского флага и эмблемы ФБР, Джеймс Морфи сказал тогда Питеру Гриненко и Биллу Мошелло:

– Примерно год назад Роберт Левинсон, один из лучших наших агентов, на основе криминальной статистики и данных контрразведки высказал предположение, что КГБ намеренно накачивает еврейскую эмиграцию советскими преступниками. Но так ли это на самом деле? И если так, то сохраняют ли эти преступники связи с КГБ? Работают ли они по заданиям Москвы? Или просто выброшены из СССР для очистки страны? На все эти вопросы мы должны ответить. Точнее: вы должны ответить. Потому что смотрите, что они делают, эти русские, – Афганистан, Ангола, Лаос, Куба, Никарагуа, а теперь уже и прямо в Нью-Йорке, на Брайтон-Бич! Так что давайте, ребята, я верю – вы сможете сделать это!

И поначалу казалось, что они действительно словно созданы быть партнерами – импульсивный здоровяк Гриненко, не знающий усталости, фонтанирующий детективными идеями, и остроглазый, аккуратный, с адвокатским образованием Мошелло, умеющий схватить любую сырую и рискованную идею Питера, превратить ее в законно оформленное расследование и получить на это не только начальственное «добро», но и солидный бюджет.

Однако уже через пару месяцев жизнь стала подтачивать это так быстро возникшее единство: многочасовые интервью и допросы русских, которые Питер вел на русском языке, как бы отодвигали Билла на второй план и тем самым ущемляли его самолюбие. И хотя он боролся с этим чувством и не хотел признаваться в нем даже самому себе, эта мальчишеская уязвленность периодически прорывалась вот такими, как сейчас, взбрыками.

– Что я должен был с тобой обсудить? – сказал ему Питер. – Контрразведка передала нам этого уобаниу русского, который хочет сообщить о каком-то преступлении. Так что тут обсуждать?

– Уобаниу значит to be fucked, – тут же улыбнулся Билл с гордостью школьного отличника.

– Гуд! Ты делаешь успехи в русском, – сказал Питер. – Поехали!

– Bardac? – спрашивал Питер, ведя служебный «плимут» из Квинса в Манхэттен.

– Whorehouse, – отвечал Билл.

– Bliad?

– Beach, whore.

– Mudack?

– Idiot, stupid.

– Yiebat?

– «To fuck» в значении «наказать», «употребить». А теперь ты скажи. – Билл открыл словарь русского мата и жаргона, составленный Монтерейской лингвистической школой для агентов ФБР и ЦРУ, прослушивающих телефонные разговоры советского посольства в Вашингтоне и других советских офисов в США: – Что такое «dristun»?

– Не знаю.

– Слабак, трус, бздун, – прочел Билл. – А теперь – «drochit»?

– Не знаю, – признался Питер.

– Мастурбировать, а также – дразнить, надоедать. А как насчет «zalupa»?

– Никогда не слышал такого слова...

– Видишь! А говоришь, что знаешь русский. Как я могу знать, о чем ты говоришь с этими русскими на интервью!

– Так езжай в Монтерей и учи язык! – разозлился Питер, потому что действительно не всегда понимал, о чем говорят ему русские преступники-эмигранты, перемежавшие матом каждое второе слово. – Моя бабушка читала мне русские народные сказки, а не этот ебанный мат! Или ты думаешь, она должна была учить меня, как по-русски «to masturbate»?

– Очень просто, – сказал Билл. – Drochit.

* * *

Сэм Лисицкий, хозяин рыбного бизнеса «Dreamfish» на Варрак-стрит, оказался пятидесятилетним усатым и суетливым мужчиной с лицом испуганной крысы. Он повесил на дверь своего supply store³ табличку «Закрето», отключил телефон и усадил гостей в крошечной задней комнате, где пахло рыбой и где стены были залеплены рекламой черной икры и семейными фотографиями, а кондиционер не работал. И он не предложил гостям даже стакан воды.

– Я работаю как вол, как лошадь! – говорил он Питеру и поглядывал на молчаливо-нейтрального Билла. – А ваш товарищ тоже говорит по-русски?

– Нет, он не понимает русский.

Но по лицу Лисицкого было видно, что он не поверил Питеру.

– Я работаю день и ночь, вы же знаете, как мы приезжаем в эту страну – с одним чемоданом! Но, слава Богу, последние пару лет дела пошли лучше, и я скопил немножко денег и решил войти в ювелирный бизнес. Конечно, вы скажете – зачем мне такой риск? Рыба – это спокойно, а золото – сами понимаете! Но мой сын окончил школу – мальчику нужно идти в колледж? Он хочет быть адвокатом – я могу ему отказать? – И Лисицкий снова посмотрел на Билла и объяснил ему: – Это же единственный сын! I have only one son, you understand? А кто будет платить за колледж, из каких доходов? – И снова Питеру: – Короче говоря, я собрал тридцать тысяч, буквально последние деньги – клянусь! И нашел еще двух партнеров, и мы открыли маленький ювелирный магазин «Sorrento Jeweller's»⁴ на углу Сорок седьмой улицы и Пятой авеню. Боже мой, будь проклята минута, когда я это сделал! Вы знаете, что случилось?

³ Supply store – магазин, база снабжения.

⁴ «Sorrento Jeweller's» – «Соррентийские ювелиры».

Мои партнеры оказались сволочами. Сначала они на мои деньги стали закупать товар у всяких ювелирных фирм – вы знаете, как это делается? Первый раз вы берете немного товара и платите наличными, а потом они дают вам золота в кредит сколько хотите, ведь им все равно, у них весь товар застрахован. Короче, мои партнеры набрали много ювелирного товара, а потом один все бросил и уехал в Чикаго. И там, пользуясь хорошей репутацией нашего магазина у кредиторов, открыл свой магазин. А второй сидит на Сорок седьмой в «Sorrento» и тратит мои деньги: покупает дорого, продает дешево и говорит: это чтобы завоевать клиентуру! Я ему говорю: Марат, я уже не хочу никакую прибыль, я хочу назад мои тридцать тысяч! А он говорит: если хочешь выручить свои деньги, нужно вложить еще десять. И что вы думаете? Я таки идиот, я его послушал и вложил! И теперь он сидит там, как король, строит из себя большого бизнесмена и тратит мои деньги, а я не сплю по ночам. Вы понимаете?

– Нет, – сказал Питер, потев и теряя терпение от жары, запаха рыбы и болтовни этого Лисицкого. – Ты позвонил в ФБР и сказал, что готовится преступление. Твой партнер покупает дорого, а продает дешево – это глупо, но это не преступление. А где преступление?

– Будет! – сказал Лисицкий. – Ой, я даже не знаю, как вам сказать!.. Они меня убьют!.. – Он выглянул в окно и понизил голос: – Вы понимаете, мне кажется, я знаю, что они задумали. Я слышал, что многие так делают, и я думаю, что они тоже. Они наймут грабителей, которые ограбят наш магазин, а потом получают большую страховку, вы понимаете? – И сам перевел Биллу: – My partners. I think, they will make a set up, a robbery of our jewelry store. For insurance money. You understand? – И опять повернулся к Питеру: – Но я не хочу в этом участвовать, нет! Я хочу, чтобы вы знали: Сэм Лисицкий – честный эмигрант!

– Откуда вы знаете, что они готовят ограбление? – спросил Питер.

– Я так думаю! А как еще они могут отдать мне 40 тысяч, если они дорого покупают золото, а дешево продают? А? Я вас спрашиваю!

– Хорошо, – сказал Питер. – Пишите заявление, что подозреваете своих партнеров в подготовке преступления. Как их фамилии?

– Нет, нет! Вы что! – испуганно замахал руками Лисицкий. – Я ничего писать не могу! Они убьют меня! Я вас предупредил. Ради сына! Сэм Лисицкий – честный человек! – Тут Лисицкий показал на фотографию 18-летнего подростка, и лицо его мгновенно высветилось и преобразилось. – Вы видите, какой у меня мальчик? Когда он будет адвокатом, ой – мне уже не придется работать, как лошадь...

– Так это все, что вы хотели нам сказать? – спросил Питер.

– А разве этого мало? – удивился Лисицкий.

Питер встал и сказал Биллу:

– Пошли!

Билл достал из кармана пиджака фото двух цыган-взломщиков, показал их Лисицкому и спросил по-английски:

– Вы знаете этих людей?

– Нет, – ответил Лисицкий. – Этих людей я не знаю.

– Никогда не видели?

– Нет. Никогда!

– А как насчет ограбления? Ты не хочешь нам написать об этом?

– Нет! Нет! – снова замахал руками Лисицкий. – No writing! I don't want to be dead! I have a son! (Я не хочу быть убитым! У меня сын!)

– Dristun! – сказал Билл.

– Что он сказал? – спросил Лисицкий у Питера по-русски.

– Я думаю, он сказал тебе по-русски, что ты дристун, трус... – усмехнулся Питер.

– О! – воскликнул Лисицкий. – Вы видите! Я так и думал, что он знает русский! – И радостно похлопал Билла по плечу. – Ты знаешь русский, мой друг!

– Русское дерьмо! – ругался Питер по дороге в квинсовский офис. – Сукин сын!

– Может, все-таки заехать в это «Сорренто»? – спросил Билл.

– Зачем? Что ты скажешь его партнеру? «Мы знаем, что ты хочешь устроить ограбление?» Он рассмеется тебе в лицо!

– Тогда мы просто потеряли время...

– Почему потеряли? Нас выебли! До тебя не дошло? Эта крыса выеб и тебя, и меня! Почему? Очень просто! Если полиция разоблачит это ограбление как set up (подстроенное), то он чистый – он предупредил ФБР. А нет – так нет. И так, и так он получит свои деньги из страховой компании. Ты понял? Вот почему он нас позвал! И я чувствую себя так, будто меня обосрала!

– Что мне нравится в твоих русских, так это то, что они умней итальянцев, – философски сказал Билл. – Итальянцы тоже делают фальшивые ограбления, но никогда не звонят про это в ФБР.

Вдруг Питер ударил ногой по тормозу с такой силой, что «плимут» юзом прокатил по асфальту, а сзади возмущенно заревел гудком какой-то грузовик.

– Что случилось? – воскликнул Билл, который чуть не вышиб головой переднее стекло.

Не обращая внимания на ругань водителя трака и гудки машин вокруг, Питер сказал:

– Я хочу, чтобы ты запомнил навсегда: эти засранцы русские преступники такие же мои, как итальянская мафия – твои. Усек?

– Усек, – сказал Билл.

– Теперь покажи мне фотографии... – успокоился Питер и тронул машину по направлению к Midtown туннелю, – что там насчет них?

– Двое русских цыган. Мужчина и женщина. Занимаются грабежом со взломом. Во Флориде ездили по богатым районам, стучали в какой-нибудь дом и, если никто не отвечал, взламывали дверь или окно и выносили все ценное. В Талахасси полиция их арестовала, а судья выпустил под залог в двадцать тысяч до суда. И они смылись из штата. Федеральное преступление, 10 лет. Если мы их найдем, конечно.

– Легче легкого! – сказал Питер.

– Как?

– Просто. Нужно поехать на Брайтон и показать эти фото нашим русским «друзьям».

– Думаешь, они нам скажут?

– Один не скажет, второй не скажет, а третий... Если эти цыгане грабят богатые дома, они должны где-то продавать вещи. А на Брайтоне есть все – мебельные магазины, ювелирные.

– Когда, ты думаешь, мы можем туда поехать?

– Хочешь сейчас?

– Я знаю, чего я не хочу. Я не хочу приехать сейчас в офис и сказать, что нас viueb этот uobaniу русский. Этого я точно не хочу...

Он не успел договорить, как Питер резко бросил машину влево и, подрезая движение, развернулся перед самым входом в туннель.

– Куда ты? – изумился Билл.

– На Брайтон, – ответил Питер. – Куда же еще?

Сегодня бруклинский Брайтон-Бич знаменит почти как парижский Монмартр, римская Пьяцца Навонна, Рыбачья Пристань в Сан-Франциско или Гринвич-Вилледж в Манхэттене. Американские газеты называют этот район «маленькой Россией», а его обитателей – русскими. По аналогии с американцами. Ведь в США все считают себя американцами, невзирая на свое итальянское, еврейское, ирландское, китайское и т. д. происхождение. Ну а если вы приехали из России, то будь вы хоть киргиз, армянин или еврей – вы все равно русский. И сделать с

этим ничего нельзя, хотя ситуация поначалу мне казалась даже обидной: в России никто нас за русских не считал и называли «жидами» и «евреями», а в Америке никто не хочет считать нас евреями, а называют «русскими». Но с годами к этому привыкаешь...

По приблизительным данным, на самой Брайтон-Бич авеню и прилегающих к ней двух дюжинах улиц живет почти 100 тысяч русских эмигрантов. Если учесть, что первые четыре русские семьи поселились на Брайтоне в 1974 году, динамика роста этой колонии сравнима только с динамикой освоения Техаса или наплыва золотоискателей в Калифорнию во времена «золотой лихорадки». С той только разницей, что на брайтонском пляже нет ни золота, ни нефти. Все, что нашли там первые советские эмигранты в 1974-м, было: океанский бриз, дешевые квартиры и метропоезд «Д», на котором за 50 центов можно было доехать до Манхэттена.

Конечно, настоящий историк скажет, что это было не первое открытие Брайтона. Что еще в начале века Брайтон был дачным местом нью-йоркских богачей, они строили здесь виллы и ездили сюда в экипажах и первых «фордах». И что первый расцвет Брайтона описан у Айзека Башевиса Зингера, Нила Саймона и других американских писателей. Все это так. В 20-40-е годы Брайтон был плотно заселен теми еврейскими волнами, которые выплеснуло в Америку из Европы сначала бегство от погромов времен русской революции, а потом – от гитлеровских концлагерей и газовых камер. Но уже в конце 50-х дети и внуки этих брайтонских евреев окончили школы и колледжи и переселились в Восточный Манхэттен, в Голливуд, Бостон и прочие центры технического и торгового бума. В шестидесятые годы Брайтон захирел. Опустели и замусорились пляжи, закрылись десятки ланченетов, синагог, школ и аптек, и пожилые евреи массовым порядком бежали отсюда в другие районы Бруклина или еще дальше – во Флориду или Аризону. Первые русские эмигранты 70-х годов нашли на Брайтоне запущенные и грязные дома, где не хотели селиться даже нищие беженцы из Пуэрто-Рико и «лодочные люди» из Вьетнама. Здесь, на темных, с разбитыми фонарями улицах, можно было легко наткнуться на нож наркомана или встретить шайку черных уличных грабителей. А на станциях сабвея и в разрисованных граффити вагонах поезда «Д» стоял оглушающий запах мочи и марихуаны.

Но один фактор отличал Брайтон от аналогичных районов Верхнего Бронкса или Нью-Джерси. Океан. Когда после изнуряющего рабочего дня в такси или на швейной фабрике в душном и громяющем монстре – Манхэттене – вы приезжаете на Брайтон и выходите на конечной станции из вонючего вагона, соленый океанский бриз освежает вам легкие, а тишина лечит душу, и если закрыть глаза, то кажется, что вы снова дома, на Черном море, в Одессе. Можно, как на знаменитом одесском бульваре, спокойно посидеть у океана на скамейке широкого деревянного бордюра, можно встретить тут друзей, поговорить «за жизнь» и «восьмую программу» для родителей и можно прогулять детей «на чистом воздухе». Конечно, для американцев, которые не имеют этой русско-еврейской манеры в любую погоду часами выгуливать детей, или для москвичей, которые с детства привыкли к запаху бензина и не могут спать без гудков машин за окном, в этом «брайтонском факторе» не было ничего соблазнительного. Поэтому эмигранты москвичи и ленинградцы селились в квинсовском Джексон-Хайте и в манхэттенском Вашингтон-Хайте. Но когда в 1978–1979 годах эмиграция из СССР достигла своего пика – 50 тысяч человек в год, то оказалось, что 60 процентов этих эмигрантов – одесситы. Одесситы, для которых брайтонский фактор перевешивал все остальные неудобства. Теснота и вонь в сабвее? Ладно, вы не ездили в советских автобусах и трамваях! Поезжайте в СССР, понюхайте! Запущенные, грязные квартиры, обвалившиеся потолки и стены? А у вас есть руки? Хулиганы, наркоманы и грабители на темных улицах? А вы знаете такое выражение – «Одесса-мама»? Не знаете? Это значит, что, когда ваши американские грабители учились держать пипку в руках, чтобы попасть струйкой в унитаз, наши уже соплей попадали милиционеру в затылок...

Короче говоря, к 1982–1983 годам, когда агенту ФБР Вильяму Мошелло и полицейскому детективу Питеру Гриненко было поручено выявить русскую мафию, в районе Большого Брай-

тона жили уже около 40 тысяч советских эмигрантов. Подавляющее их большинство, 99, если не больше, процентов, мало чем отличались от всех прочих эмигрантов, которые построили эту страну, – они вкалывали с утра до ночи за 4, 3 и даже за 2 доллара в час, они учили английский язык в сабвее по дороге на работу и стоя спали от усталости в тех же вагонах, когда возвращались с работы домой. Пишущий эти строки – в прошлом сценарист и автор семи художественных фильмов – красил в Манхэттене офисы за 5 долларов в час. А одесситы очистили Брайтон от пришлых хулиганов и наркоманов, открыли там свои рестораны «Одесса», «Приморский» и «Садко», продовольственные магазины «Националь» и «Белая акация» и даже русский книжный магазин «Черное море», где, кроме книг, продавались не одна, а сразу три русские газеты – «Новое русское слово», «Новый американец» и «Новости»! А в интервью, которое Эдвард Коч дал в то время автору этих строк по случаю открытия русской радиостанции в Нью-Йорке, знаменитый мэ́р сказал не без патетики: «Русские эмигранты своей энергией и умом продвигают нашу страну по пути прогресса, украшают ее и наш город. Я польщен, что вы здесь, друзья!»

А еще больше были польщены брайтонские домовладельцы, которые по случаю русского бума каждый год чуть ли не удваивали плату за квартиры. И русские платили: тот, кто много и упорно работает, тот – в Америке – рано или поздно начинает неплохо зарабатывать.

Но там, где люди делают деньги, всегда найдется кто-то, кто хочет эти деньги отнять. Эта банальная истина проверена поколениями эмигрантов и всеми нью-йоркскими комьюнити – итальянской, испанской, корейской, вьетнамской и т. д.

Не избежала этой участи и «Маленькая Россия» на Брайтон-Бич.

– Нет! Я не знаю этих людей! – сказала, поглядев на фотографии цыган, пышная, как гамбургер, госпожа Люся Хавкер, хозяйка магазина «Антик», забитого мебелью из красного дерева, итальянскими инкрустированными столиками на колесиках, серебряной посудой, русскими самоварами, иконами, фарфором и хрусталем.

– Никогда их не видела? – спросил Билл.

– Нет. Никогда!

– Хорошо. Спасибо. Если вспомнишь, позвони нам, – сказал ей Питер по-русски, оставил свою визитную карточку и, направляясь к выходу по узкому проходу меж мебелью, добавил для Билла по-английски: – Врет, сука. Я носом чую тут запах краденых вещей!

Они вышли на Брайтон-Бич авеню. Здесь, в десяти шагах от Атлантического океана, было градусов на десять прохладней, чем в душном Манхэттене. Золотое сентябрьское солнце медленно стекало в U-образные просветы меж домов. И то ли по случаю такой замечательной погоды, то ли по поводу того, что сегодня была пятница и приближался конец рабочего дня, Брайтон был полон людьми, как Пятая авеню в обеденный перерыв. Правда, выглядели эти люди не так стильно, как посетители магазинов «Сакс» и «Лорд энд Тейлор», но зато они не спешили куда-то с такой безумной скоростью, с какой вечно спешат пешеходы на Пятой. Нет, здесь, под навесным путепроводом сабвея, публика двигалась вдоль тротуара не спеша, женщины демонстрировали друг другу свои пышные формы и ювелирные украшения, притормаживали у открытых овощных киосков, придирчиво выбирали помидоры, персики, виноград и прочие фрукты, ели сочные пирожки с капустой и вишнями у магазина «Белая акация», громко торговались по-русски с уличными продавцами джинсов и парфюмерии и снова двигались дальше – к следующим лоткам, стойкам и столам с обувью, пирогами, детской одеждой и книгами. Как по праздничному базару. В воздухе стоял разноголосый гомон, окрики: «Моня, куда ты пошел?!» – и хриплый голос знаменитого русского барда Владимира Высоцкого, кассетами и пластинками которого тоже торговали с открытых лотков. Потом, перекрывая все звуки, над землей прогрехотал поезд сабвея, но на этот грохот никто не обратил абсолютно никакого внимания, словно это был пустой звук комара, сдуваемый океанским бризом.

В окне магазина «Белая акация» Питер купил два огромных пирожка с капустой. Заодно он показал продавщице фото цыган и спросил у нее по-русски:

- Ты случайно не знаешь этих людей?
- А ты что – полицейский? – саркастически улыбнулась продавщица.
- Да. Хочешь проверить мои документы?

Продавщица несколько секунд смотрела ему в лицо, пытаясь понять, разыгрывают ее или нет, потом, глянув на фотографии, быстро сказала:

- Нет, не знаю.
- О'кей. Спасибо. Если вспомнишь – вот моя визитная карточка.
- Они никогда не скажут. Это же замкнутый мир, – сказал на ходу Билл.
- Ешь! – Питер дал ему один пирожок и салфетку.
- Что это?
- Pirog с капустой! Моя прабабушка пекла такие, когда мне было пять лет!

Он с наслаждением съел пирожок и зашел в ресторан «Волна». Билл следовал за ним.

– Мест нет! Все занято! – грубо остановил их в вестибюле огромный усатый и лысый грузин в фартуке и джинсах – не то вышибала, не то гардеробщик. За его спиной был виден длинный зал с пустыми столами. Официанты, сновавшие между кухней и залом, торопливо заполняли эти столы завернутыми в целлофан блюдами с салатами и батареями водочных, коньячных и винных бутылок. В глубине зала на небольшой сцене-помосте музыканты расставляли инструменты и натягивали крышу на стойки переносного шатра-хупы.

– Look like a wedding. Похоже на свадьбу... – заметил Билл Питеру.

– Close! Close! – сказал грузин, услышав английскую речь. И властно-пренебрежительным жестом махнул им на выход. – Out! Вон!

– Мы из полиции, – ответил ему Питер по-русски и показал полицейский жетон. – Детектив Гриненко. Можно поговорить с тобой две минуты?

Усатый посмотрел на жетон, потом на Питера, потом опять на жетон и наконец снова на Питера. И спросил испуганно с грузинским акцентом:

– Уже по-русски научились говорить?

Питер невольно улыбнулся:

– Извини, друг! – Показал грузину фотографии цыган-взломщиков и спросил: – Ты знаешь этих людей?

– Нет. Не знаю, – тут же решительно сказал грузин.

– Посмотри хорошенько, – попросил Питер. – Это ресторан, сюда много людей приходит.

– Нет. Не знаю! – Лицо у грузина враждебно замкнулось.

– Можно мы поговорим с вашими официантами?

Грузин повернулся к залу и громко сказал что-то по-грузински. Официанты, которые только что суетливо сновали между залом и кухней, испуганно замерли с подносами в руках.

– Что он сказал им? – спросил Билл у Питера.

– Он говорил по-грузински, не по-русски. А я только двуязычный. Но могу спорить: он велел им проглотить их языки. – И Питер дружески похлопал усатого по плечу: – О'кей, мой друг. Ты очень умный. Good-bye! Возьми мою карточку, на всякий случай...

Потом они зашли в русскую булочную; и в огромный двухэтажный русский продовольственный магазин «МЕТРОПОЛЬ»; и в аптеку с русской вывеской «АПТЕКА»; и в кафе с вывеской «ICE CREAM» – «МОРОЖЕНОЕ» на бордвоке; и в винно-водочный; и в Real Estate Agency с табличкой «МЫ ГОВОРИМ ПО-РУССКИ»; и в страховое агентство «Lucky Brighton Beach Brokerage»; и в русскую бильярдную. Но результат был везде один и тот же: «Не знаю» и «Никогда не видел».

– Засранцы! – устало ругался Питер, потея от злости и ходьбы.

– Я не понимаю, где все наши «druzja», – сказал Билл. – Мы не встретили ни одного из них.

«Druzja» или «friends» они называли тех русских приятелей убитого писателя Брехина, которых они интервьюировали в 17-м участке девять месяцев назад. А также всех остальных русских преступников, которые попали в поле зрения полиции с тех пор. Мелкие и крупные кражи и ресторанные драки, подпольные игорные дома, проститутки – любой арест русского на Брайтоне, который совершала там местная полиция 60-го и 61-го участков, отзывался телефонным звонком в Квинсе, в «Russian Task Force» («русские силы»), как стали называть в ФБР Питера и Билла. И они тут же мчались к месту происшествия, принимали участие в допросах и интервью и тут же обзаводились фотографиями задержанных, а если могли – и парой десятков снимков из их семейных альбомов. Эти фотографии Билл любовно сортировал, снабжал подробной информацией и размещал в особой картотеке, которую завел с того момента, как ему поручили охоту за «красной мафией».

– Смотри! – вдруг остановился Питер.

Билл посмотрел по направлению взгляда Питера. Напротив, через улицу, возле распахнутых дверей ресторана «Садко», происходило нечто, похожее сразу на фильмы в стиле ретро и на съезд гостей студии «51» в Манхэттене: роскошные «кадиллаки», «бьюики» и «линкольны» заправили перекресток, из этих лимузинов выходили и не спеша, демонстрируя друг другу свои наряды, двигались к «Садко» пышнотелые дамы в высоких лайковых сапожках и в узких юбках, в соболиных и норковых накидках на обнаженных плечах и с перстнями, колье и серьгами, сверкающими подлинными бриллиантами. Этим дам сопровождали мужчины в разностильных костюмах, без галстуков и с воротниками рубашек, выпущенными поверх воротников пиджаков. Впрочем, на руках у мужчин тоже поблескивали перстни с настоящими бриллиантами. Издали Питеру и Биллу показалось, что один из этих мужчин – Пиня Громов. Тот самый Громов, которого Питер первым интервьюировал в 17-м участке несколько месяцев назад.

Питер и Билл переглянулись и, не сговариваясь, перешли улицу.

Но Громов – если это был он – уже заходил в «Садко», обнимая за плечи худого подростка в черном костюме и на ходу пожимая руки каким-то приятелям.

– Что тут происходит? – спросил Питер по-русски у пышнотелой блондинки лет двадцати трех, отставшей от своего мужчины и поправлявшей молнию на тугой юбке.

– Бармицва, – ответила она и в упор посмотрела на Питера своими густо, как у Лайзы Минелли, подведенными глазами: – У тебя есть огонь?

В ее интонации была та громкая одесская напевность, которую легко принять за вызов. А в левой руке длинными пальцами с алыми ногтями она держала сигарету «Мальборо». Билл, который не понимал по-русски, тем не менее первым чиркнул зажигалкой. Блондинка, прикуривая, нагнула голову и опустила глаза к язычку огня.

– Чья бармицва? У Пини Громова? – спросил Питер.

Блондинка вскинула свои подкрашенные накладные ресницы и выпустила дым прямо Питеру в лицо:

– У его сына. Ты знаешь Пиню?

Но Питер не успел ответить – высокий, светлоглазый, шарнирно двигающийся парень лет двадцати семи, в бежевом замшевом пиджаке, черной рубашке-апаш и с толстой золотой цепочкой на шее, вернулся к ним от дверей ресторана и нервно сказал блондинке:

– Алла, что происходит? Они тебя задевают?

– Нет. Я только прикурила, – спокойно ответила она и, сказав Питеру и Биллу: «Спасибо, мальчишки!» – взяла светлого под руку и повела к ресторану.

Но и уходя, парень еще раз оглянулся на Питера и Билла и смерил их угрожающе-ревнивым взглядом.

Тут к двери «Садко» подкатил очередной лимузин с гостями.

– Я думаю, все, кого мы ищем уже полгода, сегодня здесь. А если не все, то половина... – сказал Билл.

– Так пошли! – Питер кивнул на ресторан.

Но вышибала-гардеробщик с фигурой самбиста и перебитым носом боксера остановил их в двери:

– Мест нет! Только по списку!

– Мы приглашены, – сказал ему Питер по-русски.

– Кто вас пригласил? Что ты пиздишь? – Вышибала презрительно смерил взглядом их обоих. На Питере и Билле были стандартно-серые пиджаки и никакого золота.

– Пиня Громов нас пригласил. Позови его, – сказал Питер.

– Он занят. Как ваши фамилии?

Питер вздохнул и вытащил свой полицейский жетон.

– Детектив Питер Гриненко и агент ФБР Билл Мошелло.

Боксер тупо уставился на полицейский жетон Питера, потом медленно перевел взгляд на Билла. Билл уже держал в поднятой руке удостоверение ФБР.

Через час музыка в ресторане гремела так, что, казалось, тяжелая хрустальная люстра вот-вот рухнет вместе с потолком. Худая, вульгарно накрашенная певица носилась по маленькой сцене как шальная, подпрыгивала, размахивала руками и микрофоном и кричала неожиданным для такой пигалицы глубоким и красивым сопрано:

Ах, Одесса – жемчужина у моря!

Ах, Одесса – ты знала много горя!

Ах, Одесса – мой дальний милый край!

Цвети, моя Одесса, цвети и процветай!

Под эту лихую песню гости Пини Громова плясали перед сценой не то рок, не то шейк, не то русскую «барыню».

Женщины трясли тяжелыми, как спелые дыни, грудями и еще более пышными бедрами. Мужчины, твистуя, не расставались с сигаретами и, кроме золотых перстней, посверкивали золотыми фиксами. Шарнирный парень в замшевом пиджаке прижимал в танце свою блондинку Аллу. А те, кто не танцевал, с аппетитом налегали на шашлык, жареных цыплят, расстегаи, жирные свиные купаты, фаршированную рыбу, соленые помидоры, фаршированные кабачки, заливные языки с хреном, сыр с чесноком, мясной салат «оливье» и прочие русские, украинские и еврейские деликатесы. Водка, коньяк и шампанское исчезали в их глотках стаканами.

И только на самом дальнем от сцены столике, стоявшем у окна возле входной двери, было совершенно пусто – ни еды, ни выпивки, ни даже скатерти. Здесь в полном одиночестве сидели полицейский детектив Питер Гриненко и агент ФБР Билл Мошелло – оба зеленые от злости и голода. Официанты откровенно игнорировали их, даже не подходили к их столу. За окном на улице уже зажглись вечерние фонари. «Ты запоминай левую половину зала, а я – правую», – негромко говорил Питер Биллу, и оба старательно пытались закрепить в памяти этот калейдоскоп лиц, связать его со своей картотекой. Порой им казалось, что они опознали кого-то из русских, что фотография вон того в синем костюме есть в архиве, а вот этот в белом свитере – разве не шел по делу об ограблении бензоколонки на Кони-Айленде?

Но на голодный желудок взгляды их невольно отвлекались на блюда с заливным поросенком, гусиным паштетом и прочими деликатесами. Наконец Питер ухватил за руку пробежавшего мимо молодого уборщика посуды и сжал так, что тот охнул от боли.

– Сука, я тебя сколько раз просил позвать хозяина? – сказал ему Питер по-русски.

– Я говорил ему, клянусь! Но он занят...

Тут, словно из-под земли, перед столиком возникли пожилой мужчина в джинсах и боксер-вышибала.

– Яша, он тебе сделал больно? – участливо спросил мужчина в джинсах у молоденького официанта.

– Не очень... – трусливо ответил тот.

– Are you to make troubles here? – спросил мужчина по-английски у Питера и Билла. – Вы собираетесь создать нам тут проблемы?

Музыка оборвалась, и люди стали оглядываться на них.

– Yes, we are! Собираемся! – усмехнулся Питер и добавил по-русски: – Ты кто тут? Хозяин?

– Да.

– У тебя есть проблемы дать нам еду? Или ты хочешь деньги вперед? Так я тебе заплачу, на! – И на глазах разом притихшего зала Питер вытащил из кармана пачку долларов и положил ее на стол. – Возьми сколько хочешь и дай нам еду!

– При чем тут деньги? – покраснел хозяин. – У нас тут парти. Только для гостей. А вас нет в списке.

– Ебать твой список! Ты думаешь, если будешь держать нас голодными, так мы уйдем? Пиня Громов пригласил нас еще полгода назад. Позови его, он тебе скажет! – упрямо сказал Питер.

И теперь, когда уже весь ресторан, притихнув, вслушивался в этот разговор, потный Пиня Громов сам, без приглашения, подбежал к их столику.

– Пиня, если ты пригласил на свою парти полицию, так сам с ними разбирайся! – нервно сказал ему хозяин ресторана и тут же ушел.

– Ты нас узнаешь, Пиня? – спросил Питер.

– Конечно! Конечно! Сейчас все будет! Сейчас все будет! – суетливо запричитал Пиня Громов, и тут же, как по волшебству, перед столиком возникли сразу четыре официанта с чисто накрахмаленной скатертью, тяжелыми подносами с едой, водкой и шампанским.

– Боря! – позвал Громов своего сына. – Иди сюда, сынок! Это мистер Гриненко и мистер Мошелло. Они специально приехали из Манхэттена поздравить тебя с бармицвой!

И Громов налил Биллу и Питеру по полному фужеру водки.

Оркестр врубился с того такта, на котором прервался две минуты назад.

«Конфетки-бараночки!

Словно лебеди – саночки!

Ой вы, кони залетные!..»

– пела-кричала на сцене голосистая Любка, а зал, прихлопывая, танцевал так, что посуда звенела на столах.

– Нет, я эти морды никогда не видел! – Хозяин ресторана внимательно разглядывал фото взломщиков-цыган. – Кто это?

– Их зовут Бакро и Граппа. Gipsy. Цыгане, – сказал Питер.

– Нет, никогда не слышал! – И хозяин ресторана почти неувимым жестом убрал со стола пустую бутылку «Столичной» и заменил ее полной, запотевшей, холодной.

– Ты хочешь спить нас? – усмехнулся Питер.

– Да ты что! О чем ты говоришь! – деланно возмутился хозяин, снова наливая им по полному фужеру водки. – Я же пью вместе с вами! А я на работе!

– Мы тоже...

– Shure! – И хозяин стукнул своим фужером о фужер Билла. – For friendship! You speak Russian? За дружбу! Ты говоришь по-русски?

– No. I don't, – сказал Билл.

– Говоришь! Говоришь! – не поверил ему хозяин и снова чокнулся с ним: – For druzhba! Understand? Do dna! Drink to bottom! Po russki!

Они выпили – все трое и до дна.

– Are you okay? – спросил Питер партнера. – Ты в порядке?

– В порядке, не беспокойся! – хмельно сказал Билл и посмотрел на блондинку Аллу, которая танцевала неподалеку от них, но уже не с шарнирным парнем в замшевом пиджаке, а с кем-то другим. Впрочем, этот другой – широкоплечий, бородатый и с залысиной на макушке – тоже мощно вжимал ее в себя.

– Все в порядке, не беспокойся! – повторил Питеру хозяин ресторана, снова наливая всем по полному бокалу водки. – Just eat. Kushay! – И спросил Билла: – You like Russian women? (Тебе нравятся русские бабы?)

– Never have one (Никогда не имел ни одной), – ответил Билл.

– Хочешь? (You want one?)

– Shure. Why not? (Конечно. Почему нет?)

– Я тоже. How much? – сказал Питер и перевел себя на русский: – Сколько стоит?

Хозяин внимательно посмотрел на них обоих, потом улыбнулся:

– Shutka. Just jacking.

– Мы тоже, – сказал Питер и одним движением разломил жареную курицу. Хозяин подзвал Громова:

– Пиня! Посиди с гостями...

Громов тут же занял его место и поднял его бокал с водкой.

– For America! – произнес он с пафосом. – For Greatest country in world! За самую великую страну! Do dna!

Питер в упор посмотрел ему в глаза, но светлые глаза Пини Громова были чисты, как две фальшивые монеты.

– Fuck you! – сказал Питер и залпом выпил свою водку.

Громов в замешательстве глянул на Билла.

– To fuck значит uebat! Понимаешь? – трезво объяснил ему Билл. И чокнулся с его бокалом. – Drink! Do dna! To America!

Но еще через час, после третьей бутылки водки, они все-таки захмелели. И даже Биллу, который раньше чувствовал тут себя иностранцем и пришельцем с другой планеты, эти женщины, покрашенные, как проститутки, уже не казались вульгарными. И мужчины уже не выглядели неандертальцами, несмотря на их золотые и стальные фиксы.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра...

– томительно выводила певица душещипательную русскую песню.
И в полумраке танцующего зала десятки хмельных голосов подпели ей:

Если б знали вы,
как мне дороги
Подмосковные вечера!..

Тут какой-то ком шума и суеты вспучился посреди зала, там послышался громкий мат и визг женщин. Хозяин ресторана, Пиня Громов и верзила-вышибала сразу нырнули в толпу танцующих и поволокли к выходу двух вцепившихся друг в друга молодых мужчин. Один из них – тот самый шарнирный в замшевом пиджаке – кричал широкоплечему и бородатому:

– Это моя жена, бля! Хули ты ее лапашь! Я тебя сделаю, сука! – С его разбитой губы на замшевый пиджак стекали капли крови.

– Закрой рот, мудака! – тихо бросил ему бородатый, которого в обхват держали его приятели – высокий молодой мужчина с пышной черной шевелюрой и Пиня Громов.

– Mudack значит «дурак»? – спросил Билл у Питера.

– Выйдем! Выйдем на улицу! Хули ты бздишь? – говорил своему противнику Аллин муж.

– Да пошел ты в жопу, сопляк! – отмахнулся от него бородатый и вернулся в зал.

Аллин муж порывался за ним, но хозяин ресторана и Громов удержали его:

– Саша, остынь, ты что – охуел? Тут полиция!

– Да ебал я полицию! Хули он мою жену лапает?!

– Ладно, иди умойся! Он больше не будет!

Саша ушел в туалет умываться, танцы возобновились, и Питер с Биллом изумленно смотрели, как бородатый снова стал танцевать с Аллой, прижимая ее к себе большими сильными руками. При этом одна его рука всеми пятью пальцами демонстративно лежала на Аллиной ягодице, и Алла не высказывала по этому поводу никакого беспокойства. Скорей наоборот, сама прижималась животом к паху бородача.

Через минуту из вестибюля появился Саша – умытый и с пластырем на разбитой губе. Остановившись в двери, он взглядом нашел в полумраке фигуру своей жены, танцующей в обнимку с бородачом. Саша молча следил за ними, темнея лицом и играя желваками на скулах. Потом резко повернулся и вышел из ресторана.

– О-о! – сказал Билл и посмотрел в окно.

За окном по освещенной уличным фонарем Первой Брайтон-стрит медленно проезжала дежурная полицейская машина с цифрой «60» на капоте.

Но Саша, не глядя по сторонам, решительным шагом пересек улицу прямо перед полицейским «фордом» и сунул ключ в багажник своего красного спортивного «понтиака». Однако то ли он спяну выбрал не тот ключ, то ли замок заело, но багажник не открывался. Саша в остервенении стал стучать кулаком по замку и дергать ключ. Полицейские остановились рядом, заинтересованно наблюдая за ним из своей машины.

А Саша их не видел. Стукнув по багажнику еще раз, он повернул наконец ключ и рывком откинул крышку.

То, что увидели полицейские в багажнике красного «понтиака», заставило их обоих открыть рты от изумления. Потом один из них тихо отворил дверцу полицейского «форда», сполз со своего сиденья на мостовую и, прячась за машиной, медленно пополз вокруг нее, на ходу вынимая пистолет из кобуры.

Билл и Питер наблюдали за этим полицейским с искренним и хмельным любопытством.

А Саша тем временем копался в багажнике своего красного спортивного «понтиака». Сначала из груды оружия, которое было в этом багажнике, он выбрал «магnum»-3,57, потом, взвесив его в руке, решил, что для такой okazji «магnum» слабоват. И достал со дна багажника «кольт» 44-го калибра.

Но когда он выпрямился, то к обоим его вискам прикоснулись дула полицейских пистолетов калибра 38 мм, и один из полицейских приказал осипшим голосом:

– Брось это! Ты арестован!

– Отлично! – сказал, стоя у окна, Питер.

– Хорошая работа, – сказал Билл.

– Идиот! – сказал за их спинами Пиня Громов.

Надев Саше наручники, полицейские усадили его на заднее сиденье машины и вызвали по радио свой 60-й участок.

– Сколько он получит? Как ты думаешь? – спросил Питер у Громова.

Громов с деланным безразличием пожал плечами.

– Оружие. От восьми до пяти лет! – оживленно сказал Билл.

А танцы тем временем продолжались как ни в чем не бывало, и бородатый продолжал обнимать блондинку Аллу за ее сочные ягодички.

– Из-за этой пизды! – с досадой сказал Громов.

Билл выразительно посмотрел Питеру в глаза. Но Питер сделал вид, что не понял его. И сказал Громову:

– Давай же выпьем. За Америку.

– Пошел ты на хуй! – с досадой сказал Громов и ушел на кухню.

– I think he told you to go and fuck yourself (Я думаю, он сказал тебе пойти и ебать себя), – сказал Билл. – Не так ли?

– Точно, – улыбнулся Питер. – А теперь можно и напиток. Рабочий день закончен.

На следующий день, к вечеру, они ехали в Бруклин, на угол Артиллерийской улицы и Флат-буш-авеню, в бруклинскую Central Booking – тюрьму предварительного заключения. Конечно, они могли приехать туда и утром, потому что Central Booking – это та оранжерея, где нежные фрукты зреют иногда быстрее, чем на самой плодородной почве Калифорнии. Но они решили действовать наверняка и дали себе несколько лишних часов...

Обогнув 84-й полицейский участок, они оказались на пыльной автостоянке, забитой старыми и новыми полицейскими машинами и машинами, реквизированными у преступников. Здесь же был спортивный красный «понтак», знакомый им по вчерашнему инциденту. С трудом найдя место для своего серого «плимута», они запарковались и по наружной металлической лестнице поднялись на второй этаж, к массивной и глухой двери, над которой нависал объектив телекамеры. Билл требовательно нажал звонок и доложил в микрофон:

– Специальный агент ФБР Билл Мошелло и полицейский детектив Питер Гриненко.

Послышался характерный щелчок автоматического замка, и они толкнули дверь. Прямо перед ними был длинный широкий проход меж двумя залами, разделенными друг от друга невысокими стенами-перегородками. Слева, в «малом вестибюле», сидели на скамейках только что доставленные сюда наркоманы, торговцы наркотиками, проститутки, воры и прочие преступники. Они еще не остыли после ареста, и поэтому их руки в стальных наручниках были прикованы к вмурованной в стену перекладине. Дальше по проходу было служебное помещение, где этих свежестреленных фотографировали в фас и в профиль и где дежурный сержант собирал у полицейских документы на прием всей этой публики. А справа, в «большом вестибюле», сидели преступники, уже принятые и оформленные. Эти тоже были в наручниках, но уже поостыли и вели себя спокойней – ждали, когда их сунут в одну из четырех камер, отделенных от этого зала стальной решеткой.

Нью-Йорк, как известно, не самое тихое место в мире, и потому его Central Bookings никогда не пустуют, а бруклинская – тем более. В камерах тут редко сидит меньше чем по 50 человек в каждой, а чаще всего четыре камеры забиты сверх лимита и новоприбывшим приходится дожидаться свободного места часами.

Заплеванные полы. Вонь невымытых тел и пота. Мат на всех языках мира. Тошнотворный настой дыхания морфинистов, кокаинистов и курильщиков гашиша и марихуаны. Бесцеремонные охранники. Крики наркоманов, физически страдающих от отсутствия наркотиков. И – типажи, встречи с которыми вы старательно избегаете всю жизнь и которые представлены тут во всех цветах кожи – черные, белые, желтые. С разноцветной татуировкой, с грязными косичками и совершенно бритоголовые...

В такой обстановке тонкие души, как нежные фрукты, созревают очень быстро.

– Тебе звонили из офиса Эрика Сейгела, ассистента прокурора, – сказал Билл дежурному сержанту.

– Насчет этого русского?

– Да.

– Как его имя? – спросил сержант, отвлекаясь от экрана маленького черно-белого телевизора, на котором бейсбол прервался очередным выпуском новостей.

– Алекс Лазарев.

– Вы хотите взять этого засранца? – В сержанте было не меньше 130 кило, его черное лицо лоснилось от пота, а в глазах были красные прожилки усталости и раздражения.

– Это зависит... Сначала мы хотим с ним поговорить.

– О'кей. Подпишите тут и тут... – Сержант дал Биллу и Питеру «книгу выписки» и крикнул через стенку дежурному охраннику: – Гораций! Вытащи этот кусок русского дерьма из второй камеры!

Два гиганта охранника – оба черные и увешанные ключами, наручниками и дубинками – подошли к решетчатой стене второй камеры, и один из них стал открывать замок, а второй сказал в глубину камеры:

– Эй! Русская свинья! Я тебе говорю! Иди сюда! Быстрее!

В глубине камеры с пола поднялась мужская фигура, отдаленно напоминающая вчерашнего молодцеватого парня в модном замшевом пиджаке. Однако теперь не только его пиджак был похож на половую тряпку, но и лицо. Осторожно переступая через ноги матерящихся и полусонных сокамерников, он вышел из камеры.

Охранник надел ему наручники и привел к сержанту, возле которого стояли Билл и Питер.

– О'кей, – сказал сержант. – Теперь он ваш. Можете отправить его назад в Россию. Я имею в виду – как мой личный подарок этому ебаному убийце Андропову.

Было видно, что, несмотря на усталость, сержант не прочь потрепаться со свежими людьми. Тем более что по телику все еще шли новости, а не бейсбол – там показывали какую-то очередную демонстрацию у здания ООН.

– Я не думаю, что Андропов примет его обратно... – сказал Билл.

– Эй, парень! – тут же оживился сержант в предвкушении дискуссии и кивнул на телевизор. – Смотри! Тут мы сражаемся за свободу эмиграции из России, а тут – ты видишь, что мы получаем! – Он ткнул пальцем в Лазарева.

– Кому нужно это говно? Мало нам своего дерьма? – И сержант широким жестом показал на преступников вокруг себя.

– Ты не собираешься баллотироваться в конгресс? – спросил у него Питер.

– Ты думаешь, я могу? – польщенно улыбнулся сержант.

– Безусловно!

– Спасибо. Я подумаю, – сказал сержант. – Но серьезно, парень! Иногда я думаю – они там не умеют читать в Европе. Они смотрят издали на нашу леди Свободу и читают: «Дай мне всех твоих преступников, наркоманов, гангстеров и прочих пиздорванцев». Но как мы можем быть лидером человечества – с этим дерьмом?

Получив Лазарева, Питер и Билл провели его в глубину коридора и по внутренней лестнице спустились в 84-й участок. Здесь была будничная суета, типичная для любого нью-йоркского полицейского участка, – трезвон телефонов, топот ног, какие-то арестованные подростки и проститутки. Заглянув в несколько комнат, Питер и Билл нашли одну пустую и завели в нее Лазарева. Сняли с него наручники, посадили за стол, и Питер, сев напротив, сказал ему в упор по-русски:

– О'кей, Алекс. Во-первых, я должен сказать тебе о твоих правах. Ты имеешь право не говорить со мной и не отвечать на вопросы. Тогда ты вернешься в камеру и будешь ждать суда. И я тебе обещаю, что ты получишь все, что тебе положено по закону. Абсолютно! Ты преступник, ты еще не гражданин нашей страны, и мы можем выебать тебя на всю катушку. Поверь мне: ни один адвокат не вытащит тебя из тюрьмы раньше чем через три года! Ты понял? Я не знаю, будет ли твоя жена ждать тебя три года – это не мое дело! – но, с другой стороны, наша система – не советская. В Америке у тебя всегда есть шанс, даже тут. Если ты согласишься сотрудничать с нами, мы вытащим тебя из этого дерьма прямо сейчас. А потом мы договоримся и с районным прокурором о твоей судьбе. И теперь твой выбор. Или ты идешь обратно в камеру, или согласишься сотрудничать и мы тебя забираем отсюда. Решай. Но имей в виду: когда я говорю «сотрудничать», я имею в виду – прямо сейчас, с этой минуты! И так?

Лазарев молчал, опустив голову. Это была длинная пауза, но они не чувствовали жалости к нему. Вчера в багажнике его «понтака» было 28 стволов оружия, а сколько оружия он продал до этого и кому – один Бог знает. Нет, они не почувствовали жалости к этому русскому.

Из коридора послышались громкие шаги полицейских, которые вели новых арестованных. Лазарев поднял голову и сказал по-английски:

– Заберите меня отсюда.

– Это же цыгане, у которых одевается весь Брайтон! Их там каждая собака знает! – возбужденно говорил Алекс Лазарев, держа в одной руке фотографии цыган-взломщиков, а в другой – вилку с огромным куском стейка. Они сидели в ресторане отеля «Мэриот» с роскошным видом на весь Бродвей, залитый огнями рекламы, и Алекс – побритый и принявший душ в номере, который они сняли для него на эту ночь, – все не мог прийти в себя от такой резкой перемены: из запертой камеры Central Booking в сияющий шиком театральный центр Нью-Йорка. По расчетам Питера и Билла, такой бросок должен был сразу показать этому Алексу, что он сделал правильный выбор и примкнул к сильной стороне. И они не ошиблись: Алекс, чувствуя себя как заново рожденный, изливал на них информацию с такой скоростью, что Питер вынужден был перебивать его.

– Подожди, Алекс. Что значит – «одевается весь Брайтон»?

– Ну, очень просто! – снова шарнирно, с апломбом, дергался Лазарев. – У них товар – pizdets! Из лучших магазинов и за полцены! Или дешевле! Моя жена купила у них лисью шубу за триста долларов. Натуральную!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.